

М.Л. Бедрикова

**ББК Ш5(2=Р)6–4
УДК 821.161.1**

М. Л. Бедрикова
кандидат филологических наук, доцент

КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ В. РАСПУТИНА

Ключевые слова: проза В. Распутина 1985–2000-х гг., концепт «душа», ассоциативные связи слов

В поздней прозе В. Распутина концепт «душа» занимает центральное место. В художественной концептосфере писателя этот концепт важен наряду с такими, как «Бог», «Божья Благодать», «смерть», «я». Актуализация содержания концепта «душа» в прозе и публицистике писателя определяется тем, что на рубеже XX–XXI вв. В. Распутин, как и другие авторы «традиционной» русской школы, сосредоточен на исследовании национального характера, проблеме возрождения русской духовности, на художественном постижении национальной истории, осмыслении судьбы России.

В своих очерках, интервью писатель подчеркивает, что изначально адресует произведение «душеимущему человеку», то есть читателю, которому свойствен «труд души». Полагаем, что концепт «душа» определяет характер «ассоциативных параллелей» в художественной концептосфере В. Распутина. Нас интересуют способы актуализации указанного концепта в публицистике и художественной прозе автора в период 1985–2000-х гг.

С точки зрения ряда исследователей, наилучшим определением «души», полностью отвечающим «тому концепту «Душа», которое присутствует в русской культуре и сегодня», является определение словаря Вл. Даля: «Бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа» [4, III, 504]. В других работах авторы предпочитают следующее определение «души»: «**Душа.** По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с Богом» [8, I, 456]. Мы солидарны с мнением Ю. Степанова, во-первых, подчёркивающего точность

определения «души» у Вл. Даля, во-вторых, утверждающего, что «концепт «Душа» не отождествляется (не «синонимизируется») с концептами «Дух», «Сознание», «Человек, Личность», но тесно соприкасается с ними, – вот почему и может быть освещён через эти соприкосновения» [9, 717].

Лингвисты не включают понятие «душа» в ядро языкового сознания, но, в большинстве случаев, связывают его с нравственно-этическими аспектами культуры. В данной статье мы будем учитывать опыт лингвистических исследований, в то же время, в соответствии с литературоведческими задачами, выберем приемлемый аспект анализа для рассмотрения содержания концепта «душа».

В произведениях В. Распутина начала 1980-х гг. сформировался тип автобиографического героя-писателя. Это «душеимущий человек», для которого рефлексия – естественная необходимость, часть его внутренней работы над своей «душой» («я»). Критика 1980-х отметила необычность новых рассказов В. Распутина, интерпретировала сюжеты произведений в цикле «Век живи» как «путешествие души» распутинских героев. В рассказах из «Век живи – век люби» автора интересует познание и самопознание субъекта. В произведениях «Что передать вороне?», «Наташа» познающий субъект – это взрослый человек, а в «Век живи – век люби» мысли о тайнах человеческой души преданы герою-подростку. Стимулом к познанию себя для героев цикла рассказов является байкальская природа, тайга. В связи с исследуемым концептом необходимо отметить запечатлённое в произведениях стремление главных героев «строить» собственную душу.

Материальное понятие «строить» В. Распутин применяет к «бессмертному нематериальному началу в человеке» – его «душе». Как строят душу распутинские герои, как приводят её в состояние гармонии с внешним миром? Автору помогает категория времени, измеряющего человеческую жизнь. Так, время, потраченное на творческую работу, на «собрание себя истинного», – это «подлинное» время, а жизнь в повседневном течении названа «посторонней». В рассказе «Что передать вороне?» хорошо прослеживаются такие признаки репрезентации концепта «душа», как «одаренность разумом и волею» (по Вл. Далю). У В. Распутина «рациональное» и «эмоциональное» в человеке – это две ипостаси, которые периодически вступают в противоречие друг с другом. «Разлад» в душе может возникнуть в результате неестественного волевого усилия. В упомянутом выше рассказе герой даёт себе слово, но при этом забывает о том, что истинно, что идёт от сердца. Эмоциональная сфера (душевная открытость), с точки зрения писателя,

для человека приоритетна. Проведенный «экскурс» в творчество писателя начала 1980-х гг. даёт необходимый материал для анализа концепта «душа» в прозе последующего периода – 1985–2000-х гг.

Примечательно, что писатель наделяет душой и человека, и мать-природу. Так, в очерке «Байкал» (1989) автор занят поиском точного слова, адекватно передающего психологическое состояние того, кто оказывается на берегу «славного моря». Поражает мысль В. Распутина о том, что «меньше всего для Байкала подходит понятие красоты». Древнее море наделяется автором высшей нравственностью, отсюда признание необходимости «приподнимать себя на некоторую высоту, чтобы оказаться с ним рядом, видеть его и слышать». Человек на берегу Байкала неизбежно начинает чувствовать его «душу». Распутин олицетворяет море, овнешвляет «душу» Байкала в следующем портрете этого необычного «героя»: «Как огромное живое, Байкал дышит глубоко, сильно и порывисто, то затихая, то с шумом втягивая в себя потоки воздуха» [5, 22]. В рассказе «Байкал передо мною» (2003) душа автобиографического героя – писателя «вступает в контакт» с таинственным миром (или «душой») удивительного, фантастически красивого моря. Писатель постигает его [Байкала. – М. Б.] мощь. Душа Байкала (его внутренний мир) неотделима от Божьей Благодати. Таким образом, концепт «душа» не существует вне связи с концептом «Божья Благодать». Душа автобиографического героя ощущает родство с «естественным, родным нам миром», а Байкал олицетворяет потерянный рай.

Особенностью репрезентации концепта «душа» в указанных выше произведениях является ассоциативная параллель с «Божьей Благодатью». Она может быть проявлена в байкальской мощи – некой созидательной, творческой силе, способной гармонизировать разладившееся земное бытие. В. Распутин подчёркивает «двусторонность» процесса преодоления дисгармонии. Автобиографический герой отнюдь не пассивно ожидает Божью Благодать, явленную в мощи моря, напротив, «душеимущий» герой-писатель работает над собой и достигает особой внутренней активности души: «предельного чутья», позволяющего «читать щедро рассыпанные по всему Байкалу знаки». «Душа», понимаемая как «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» (Вл. Даль), становится частью художественного образа Байкала («Байкал передо мною»). В. Распутин представляет море разумным «существом», наделяет его внутренней жизнью, гармонией, ритмом, свойственным всему живому. Таким образом, в произведениях о Байкале концепт «душа» применяется не только

к автобиографическому герою («душеиущему человеку»), но и к природному объекту – морю. Не только Байкал, но и река Ангара имеет душу. «В очерке «Вниз и вверх по течению» река изображается как «душеиущая»: «Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала...» [1, 323]. Концепт «душа» репрезентируется такими признаками, как «бессмертие», «сущность» (у Вл. Даля «существо» можно понимать как «сущность» (по наблюдению Ю. Степанова), «духовность», «разум», «воля»).

В программной книге очерков «Что в слове, что за словом» (1987) и других публицистических произведениях В. Распутин утверждает, что разрушение культуры и как следствие духовная деградация ведут к таким «опасностям», как ядерная, экологическая. Писатель подхватывает шукшинский вопрос «Что с нами происходит?» и развивает его: нужно защищать природу от оскудения, а человека от духовной пустоты. «Кто мы в конце концов? Строевые единицы, готовые под любую команду чеканить шаг в любую сторону? Неужели века цивилизации не оставили в человеке памяти?» [5, 35]. Как видим, вопрос В. Шукшина, прозвучавший в начале 1970–х гг., касался прежде всего состояния души современников. В «переходную эпоху» русская тема в творчестве В. Распутина звучит всё отчетливее в том ключе, который был намечен Гоголем в «Мёртвых душах». У автора «Прощания с Матёрой» тема исторической памяти неразрывно связана с размышлениями о судьбе России, национальной истории, национальном характере.

В. Распутин – художник и одновременно «проповедник» «русской идеи» верит в возможность «душеиущего» человека «строить душу», как если бы душа обладала формой. «Здание» души человек строит всю свою жизнь. У воздвигаемого «здания души» есть некие основания. Для человека с «русской душой» среди «вечных ценностей» (оснований) отмеченное выше понятие «родная земля», Русь, Россия святое. В «душе», в представлениях писателя есть свой внутренний «порядок», понимаемый как система вечных нравственных ценностей. На вечных «основаниях» держится «вселенная души» русского человека и Россия как «вселенная» духовного порядка. Слово «порядок» наиболее отчётливо зазвучало в прозе В. Распутина 1985–2000-х гг.

Идея возрождения русской духовности побуждает В. Распутина обратиться к художественному исследованию проблемы национального идеала. Эта проблема порождает национальную самокритичность, характерную для поздней прозы писателя-реалиста. Сказанное выше означает, что под влиянием внешних причин

(изменившихся социально-политических условий жизни России) В. Распутин всё более сосредотачивается на русской теме, в частности, изображении души современника в аспекте деформаций, которые стали следствием трагических испытаний, выпавших на долю России в XX в. и на рубеже тысячелетий.

Полагаем, исследование концепта «душа» в поздней прозе В. Распутина необходимо проводить через рассмотрение такой его «границы», как «русская душа». Понимание «русской души», «русского человека» у В. Распутина, с нашей точки зрения, очень близко пониманию «русского», «русской душевности» у Н. Бердяева. Напомним некоторые наблюдения этого философа: «От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. <...> Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на её заступничество» [2, 67].

В книге «Эти 20 убийственных лет» (беседы с В. Кожемяко) (2012) В. Распутин в публицистической форме высказывает сокровенные мысли, боль души. Симптоматично название главок: «И в душу лезут диверсанты», «Что у них за душой?» [7, 318–319]. Элементы структуры содержания концепта «душа» маркируются в тексте: «Россия», «человек», «народ». Загадка России и загадка русской души в восприятии писателя едины: «Уж мы – то, русские люди и братья наши по России, должны бы чувствовать, что за тайну несем мы в себе, которую, не умея разгадать, ставит нам «просвещенный» Запад в вину, и должны бы мы узнавать в ней, в этой принадлежащей нам тайне, такую черту, как общее наше воодушевление от соборного дела» [7, 109]. Специфической особенностью «русской души» у Н. Бердяева выступает «русская религиозность». В. Распутин вторит философу: «У нас своя вера и своя правда. Без литургии, как мирской, так и церковной в значении общей, хоровой службы, мы бы уже сотню раз пропали» [7, 109].

Образ России / Родины, по В. Распутину, «создается из видимого и невидимого, материального и духовного, из глубин истории и высот святости» [7, 165]. Сложившийся в русской литературе, поэзии, в частности, образ родной страны (матери, жены, невесты) персонализируется: Россия должна «сохранить себя, не отдать ни душу, ни тело, на которые постоянно находились охотники, ни древнего своего обычая, ни благочестивой скромности, ни многочисленных детей своих, взявших от нее все, чем она была...» [7, 166].

Размышляя о душе человека, В. Распутин предостерегает от потери человеком связи с «духовным существом» (душой): «Душа, как мы знаем, бестелесна» [7, 284]; опасно, когда «человек не хочет или не умеет слышать свою душу, он, теряя себя, теряет и близость со своей душой» [7, 284]. Как видим, общим мотивом становится призыв к каждому, к России «сохранить себя», «не потерять», что можно прочесть как: сохранить душу, слышать ее, ощущать близость со своей душой и душой Родины.

На шукшинский вопрос «Что же с нами происходит?» писатель отвечает, имея в виду «духовное существо»: «...в условиях беспощадной и жуткой реальности происходит, по-видимому, реформация душ» [7, 211]. Речь идет уже не об отдельном человеке - обо всем народе. В. Распутин видит реальную угрозу «русскости» в том, что Россию «исчужили»: отнимаются «традиции культурные и нравственные ценности. Россия отнимается» [7, 165]. С точки зрения писателя, процесс «распада» выгоден тем, кто желал бы видеть Родину слабой, политически нестабильной страной (очевидно, имеются в виду западные страны). В связи с концептом «душа» необходимо объяснить, что есть «реформация душ»: «...ломать вековые традиции, изымать из народа душу стоит денег и денег» [7, 211]. «Реформация душ» представляет собой «замаскированное хитроумно разрушение» [7, 211].

Актуализация концепта «душа» в публицистике осуществляется определенными способами. Например, устанавливаются ассоциативные параллели между концептами: «русская душа» – «русская культура», «русская душа» – «русский язык», «русская душа» – «русская литература».

В. Распутин постоянно напоминает, что русский писатель существует в поле русской культуры. Критикуя функционеров «от культуры», писатель предупреждает о разрушительных последствиях многочисленных шоу на телевидении: «За маской развлечения – лицо насилия» – тема одной из бесед. Массовая культура, к сожалению, разрушает то, «чем славилась Россия», ибо «заменяет» пространство культуры «тем, что Россию как культуру и духовность отменяет» [7, 133]. Налицо «замаскированное хитроумное разрушение», ведущее к «реформации душ».

Ассоциативная параллель «русская душа» – «русский язык» присутствует и в публицистических выступлениях, и в художественной прозе В. Распутина на протяжении всего творческого пути. Актуальность сохранения русского языка в начале нового тысячелетия подтвердила сама действительность, глобальные

политические тенденции в мире. Писатель затрагивает различные аспекты – от положения русского языка в многонациональной России до статуса русского языка в ряду других мировых языков. Отказаться от кириллицы – значит «отказаться от православной веры и всей культурной и духовной генетики!» [7, 116]. Более того, писатель связывает русскую душу в ее целостности с историей родного языка: «А нам-то, русским, вопрекор кому отказываться от родных букв, которыми сама душа у нас выписана и начертания которых в своих таинственных письменах повторяет сама природа?!» [7, 116]. «Духовное существо» (душа) не существует вне материальной оболочки – в данном случае материального явления, каким является язык. По В. Распутину, русская душа выписана «родными буквами».

Еще раз обратимся к вопросу, как человек «строит душу», на чем держится «вселенная русской души». Продолжая логику высказываний В. Распутина, отметим среди «оснований» («родная земля», Русь, Россия) еще одно – русский язык как «путь познания себя и своего народа, его психологии, этики, морали, веры, исторической поступи и в конце концов его души» [7, 117]. Как видим, такая точка зрения выходит далеко за пределы привычных представлений о языке как средстве общения. Политические реалии начала XXI в. заставили поставить проблему родного языка в новом аспекте: сохранение русского языка рассматривается и как фактор национальной безопасности. В. Распутин подходит к судьбе родного слова как художник. В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) молодой герой Иван не случайно наделен особым чувством языка [6]. Иван извлекает потаенный смысл из старых слов: «бездна», «пропасть», «спасибо», и, постигая родной язык, проникая в тайны слова, герой возвращает обычным словам первоизданную образность. Ивана поражает точность названия, высокая духовность, наполняющая простые слова. Концепция спасения России у В. Распутина включает сбережение родного языка как обязательное условие сохранения нравственного здоровья нации, «родной земли», «русской души».

Ассоциативная параллель «душа» / русская душа – «русский язык» существует неразрывно с ассоциативной связью «русская душа» – «русская литература». Полагаем, наиболее точно об идейно-художественном и нравственном содержании русской классики писатель сказал в документе «Мой манифест» и в беседе с В. Кожемяко «Бедность и порок. Есть ли сострадание к униженным и оскорбленным?» Выстраивая ряды знаковых произведений («Бедная Лиза», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Бедность

не порок», «Антон–горемыка», «На дне»), В. Распутин обращает внимание на сострадание как основную «нравственную ноту русской культуры», литературы [7, 139]. Достижения художественные и «огромная и общая милосердная работа», совершаемая русской классической литературой на протяжении веков, в восприятии писателя равноценны. Обращает на себя внимание восклицание В. Распутина: «Конечно, русская культура этой нравственной нотой не в силах была полностью избавить Россию от бедности, но ведь была она, нота- то, и как звучала, каким душам указывала пути!» [7, 139]. Полагаем, структура содержания концепта «душа» включает такие элементы, как «обыкновенная душа» и «великая душа». Русская литература настаивает: каждый человек ценен, его душа и жизнь уникальны. Для В. Распутина сказанное выше есть нравственная норма, как и для других современников: В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова. Справедливости ради отметим, что мысль об уникальности человеческой души характерна и для нереалистов. Так, например, в своих произведениях А. Битов изображает жизнь как чудо, «осознавая глубинные связи человека с Творцом, природой и космосом» [10, 361].

«Генетические» связи устанавливаются между концептами «душа» и «совесть». Содержание концепта «совесть» актуализируется в публицистике В. Распутина, когда автор высказывается о власти, о средствах массовой информации. Содержание концепта «совесть» в данном случае идентично понятию «совесть», запечатленному в народном сознании. В беседе «Бедность и порок» читаем: «Есть среди них [богатых. – М. Б.] и такие, в ком, как в известной песне про Кудеяра, «совесть Господь пробудил». Они помогают в строительстве храмов, спасая душу, дают деньги на культурные программы, не всегда, правда, разбираясь – на полезные или вредные» [7, 144].

Душа проявляет себя на физическом уровне – «боль души», «душа болит», страдает. «Душа болит» / «боль души» есть составляющая структуры содержания концепта «душа», проявляющегося в страстной публицистике, в поздней художественной прозе («Пожар», «Дочь Ивана, мать Ивана», «В ту же землю», «На родине», «Изба»). Тревога за судьбу Родины у В. Распутина проистекает из великой любви к ней: «одним я могу быть удовлетворен, оглядываясь на свой литературный путь: всю жизнь я писал любовь к России» [7, 34].

Итак, исследуемый концепт «душа» в произведениях В. Распутина репрезентируется такими признаками, как «бессмертие», «сущность», «духовность», «разум», «воля». В поздней прозе репрезентация концепта «душа» / «русская душа» происходит

с помощью признаков, относящихся к представлению о национальном идеале. «Национальная психология русских, хотя она и подверглась жесткой ломке в XX веке, – как была, так и остается категорией исторической» [3, 807]. Национальная самокритичность проявляется в стремлении писателя преодолеть «разлад», «беспорядок в душе» современника, вновь выстроить «русскую душу». В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) В. Распутин пишет о Родине: «Надо наводить порядок. Тут, если руки приложить, жить да жить еще можно» [6, 349].

Литература

1. Бедрикова, М. Л. Концепт «Родная земля» в прозе В. Распутина последней трети XX-XXI вв. как материал для антологии художественных концептов / М. Л. Бедрикова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С.323–325.
2. Бердяев, Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М., СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. – 1982.
5. Распутин, В. Г. Байкал / В. Г. Распутин // Наш современник. – 1989. – № 7. – С. 12 – 44.
6. Распутин, В. Г. Дочь Ивана, Мать Ивана / В. Г. Распутин // Распутин В. Г. Собр. соч.: в 4 т. – Т.1. Век живи – век люби : Повести, рассказы / Предисл. В.Курбатова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – С. 131– 358.
7. Распутин, В. Г., Кожемяко В. С. Эти 20 убийственных лет / В. Г. Распутин, В. С. Кожемяко. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. – 320 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. – 4-е изд; РАН, Ин-т лингвистических исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Академический проект, 2007. – 980 с.
10. Цуркан, В. В. Концепт «Круг» в прозе А. Битова (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.) / В. В. Цуркан // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.;
11. Магнитогорск; Новосибирск, 2014. – № 3 (45). – С. 359–361.

**CONCEPT «SOUL» IN RASPUTIN'S LATE PROSE
AND PUBLICISTIC WORKS**

M. L. Bedrikova

Abstract

The author studies the concept «Soul» in Rasputin's late prose from existential point of view, identifies possible associative connections of words and builds the associative field of concept «soul».

Key words: Rasputin's Prose, Concept "Soul", Associative Connections of Words